

Российское восприятие эпопеи Ярослава Гашека «Похождения храброго солдата Швейка» и ее международный престиж

Популярность Ярослава Гашека (1883–1923) в СССР и постсоветской России вряд ли может сравниться с его популярностью в любой другой стране, в том числе на родине и в немецкоязычной среде, первой из иностранных, осуществивших перевод его эпопеи на свой язык. Его имя вошло в топонимику наших городов: улицы Гашека есть в Москве, Петербурге, Казани, Челябинске, Новосибирске, Омске. Должны они быть (если не переименованы или полностью не разрушены) в Донецке, Львове, Ровно. «Бульвар Ярослава Гашека» был, не знаю, как сейчас, в Киеве. Бюст Гашека, материализовавший его образ, украшает наряду с бюстами немногочисленных зарубежных писателей атриум ВГБИЛ. Его имя неожиданно возникает там, где и не ожидаешь его встретить, например в популярной телепередаче «Клуба веселых и находчивых» — в первоначальном названии тверской команды «Плюшки Ярослава Гашека»¹, или в романе Юрия Лужкова «Бравый солдат Швейк, старый сапер Водичка и блогеры 11-й маршевой роты»², с выходами в наш сегодняшний день, с рассуждениями в духе Швейка о госпоже Л. Нарусовой, Ксении Собчак, наших банкирах и т. д. Популярность этого писателя у нас на родине не могли обойти и авторы вышедшего в Праге, в 2016 г. научного сборника, составленного и изданного Франтишком А. Подгайским, «Фикции Ярослава Гашека»³, который открывается фотографией (от 24 апреля 1964 г.) двух российских почитателей гашековского творчества с информацией: «Тираж гашековских произведений в СССР — 5 миллионов экземпляров. Гашек и его творчество очень популярно в Советском Союзе. Тираж его произведений уже превы-

¹ В 2018 г. команда выступала под именем «Плюшек Ярослава Мудрого».

² Литературная газета. 2017. № 48, 49 и др.

³ Fikce Jaroslava Haška / Ed. František A. Podhajský. Praha: Ústav pro českou literaturu, 2016.

сил пять миллионов на 16 языках народов СССР. Большая заслуга в популяризации Гашека принадлежит журналисту Александру Дунаевскому, написавшему статью «Следую за Гашеком». На фото он запечатлен в квартире московского инженера, Петра Матко, тоже большого почитателя Гашека⁴.

Помимо этих внешних знаков проникновения творчества Гашека в сознание нашего народа есть более серьезные тому доказательства. К последним и наиболее ярким следует отнести многотомный проект Научно-библиографического отдела Библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) им М.Н. Рудомино, посвященный русскому восприятию «бравого солдата», начиная с появления первых переводов гашековской эпопеи на русский язык и вплоть до настоящего времени⁵.

Популярность Гашека в нашей стране, повлиявшая и на его мировой рейтинг, сложилась не сразу, как далеко не сразу происхождения солдата Швейка, героя ранних рассказов писателя (изданы в 1912 г.), который был пародией на верноподданного служаку, переросли в объемную эпопею, к сожалению, не законченную, но оставившую глубокий след не только в литературе, но в душах и сознании ее читателей. Гашек начал писать свое знаменитое произведение в 1921 г., после возвращения в 1920 г. на родину из Советской России, где после сдачи русским в плен принял сторону революции, работал секретарем интернациональной секции, а позже заместителем начальника политотдела 5-ой армии, совершив с ней путь от Бугульмы до Иркутска.

Вернувшись в Праге к литературному творчеству, Гашек работает не в тиши кабинета, которого у него и не было, а порой располагаясь в кабаках и пивных, среди простолюдинов, к которым принадлежал и его герой. Написанное Гашек стал издавать вместе с другом, бывшим анархистом и мелким предпринимателем Франтишком Сауэром на взятые в долг деньги. Первая часть романа вышла в марте, вторая

⁴ Fikce Jaroslava Naška. S.4.

⁵ См.: Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России / Сост., пред., ком. Н. Л. Глазковой; отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. М.: Центр книги Рудомино, 2012. Кн. первая. 1926–1940; Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России / Сост., пред., ком. Н. Л. Глазковой, научн. ред. Г. П. Мельников, отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. М.: Центр книги Рудомино, 2014. Кн. вторая. 1941–1945. — Третья книга должна быть посвящена «Невыдуманной истории походов Йозефа Швейка в России: 1946–1986».

и третья в апреле и мае 1921 г. Сами же — Гашек и Сауэр — и распространяли публикации, разнося в рюкзаках «книжки по пивным, вокзалам» или просто продавая их, «где придется. Но дохода не было»⁶, — вспоминала жена Гашека Александра Гавриловна Львова, которая приехала с ним вместе из России 19 декабря 1920 г. Интерес к роману возник неожиданно, и четвертая часть пошла уже нарасхват. С автором связался Адольф Сынек, предложив издавать «Швейка» у него в издательстве, и заключил с ним договор.

Несмотря на популярность этого произведения среди читателей и позитивное отношение к нему лево ориентированных литераторов, подтвержденное положительной рецензией Ивана Ольбрахта, «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека долгое время не воспринимались у него на родине всерьез, как бы оправдывая народную мудрость о том, что нет пророка в своем отечестве. «Часть вины за это должен, по-видимому, взять на себя сам писатель, — считает его исследователь Р. Пытлик. — Он был первым, кто открыто высказывал сомнения в значимости своего творчества; первым, кто высмеял юношеское литературное тщеславие своих сверстников и, что еще важнее, — свою собственную литературную работу, нередко отзываясь о ней пренебрежительно лишь как о ремесле»⁷. Из соотечественников к защите писателя уже после его кончины присоединился Незвал. В ответе на анкету 1935 г. авангардного театра Д-34 он написал: «Ярослав Гашек воспринимается у нас многими в урезанном виде, который нам сумели внушить несколько подозрительных авторов, оценивающих Гашека по своему образу и подобию. Он известен всему миру как гениальный творец Швейка. Со временем он откроется как поэт нескольких сотен гениальных проз, чья безграничная смелость, психологическая проницательность, революционный аспект, спонтанность воображения и оригинальная дадаистичность будут потрясать и увлекать как фантазмагии Гоголя или Жарри. Сравните прозу Гашека с прозой современников, его презиравших, и вы увидите, сколько лжи, эпигонства, фальши и смешных сантиментов скрыто в литературной эпохе, на задворках которой практически безгласно созрел гений Гашека. Если

⁶ Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. первая. С. 13, 15.

⁷ Пытлик Р. Ярослав Гашек и похождения бравого солдата Швейка. Прага, 1983. С. 11.

в истории чешской литературы вы обнаружите имя Гашека где-то на последних страницах, по соседству с литературным браком, это будет документальным подтверждением несостоятельности чешского литературоведения и критики»⁸.

Намеченная Незвалом проблема «Гоголь и Гашек» требует, на наш взгляд, специального изучения. При этом могут открыться не только типологические, но и контактные связи между ними, т. е. прямые влияния русского сатирика на чешского. Впрочем, многое очевидно уже сейчас. Подобно Гоголю Гашек извлекал комический эффект, неожиданно сближая высокое с низким и дискредитируя таким образом высокие материи.

Вспомним сцену из «Невского проспекта» Гоголя. Преследовавший прекрасную блондинку поручик Пирогов оказывается в помещении, где встречает сразу Шиллера и Гофмана. «Перед ним сидел Шиллер, но не тот Шиллер, что написал “Вильгельма Теля” и “Историю Тридцатилетней войны”, но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян... и т. д.». А вот первые строки эпопеи Гашека: «Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка. <...> Какого Фердинанда, пани Мюллер? — спросил Швейк <...> Я знаю двух Фердинандов. Один служил у фармацевта Пруши и выпил у него как-то раз по ошибке бутылку жидкости для ращения волос, а еще есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко. — Нет, сударь, эрцгерцога Фердинанда. Того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного». У Гашека в разговоре со служанкой в одной компании оказываются сразу три Фердинанда, два из которых — горький пьяница и собиратель собачьего дерьма — своим соседством негласно оскорбляют образ наследника австрийского престола. Однако задолго до него к сходному приему травести высокого образа обратился Гоголь, сумев сколотить разноликую компанию из пары немецких романтиков и двух работяг из Петербурга — отбросивших свою уничижительную тень на немецких акул пера, гораздо менее полезных для общества, как намекал Гоголь, чем сапожник и пьяный жестящик из стольного града.

⁸ *Nezval V. Dílo XXV. Praha, 1974. S. 509–510.*

Явную и довольно длительную недооценку эпопеи Гашека у него на родине оспаривал тот горячий прием, который она находила в нашей стране. С огромным интересом были встречены уже первые переводы эпопеи на русский язык, сделанные во второй половине 1920-х гг. с немецкой версии. В советской прессе появилось много положительных рецензий, возникли театральные постановки «Швейка» в Одессе, Москве, Ленинграде, Рыбинске. В то время имя Гашека и название его романа мелькает в прессе, в дневниках, письмах, воспоминаниях многих известных и безвестных людей. Но настоящий пик популярности «Похождений Швейка» приходится на начало Великой Отечественной войны. Бравый солдат Швейк — единственный из вечных образов мировой литературы, кто, шагнув из Первой мировой во Вторую, стал участником и героем Великой Отечественной. Облаченный в мундир солдата вермахта, он, разумеется, скрытно выступает на нашей стороне, виртуозно используя заложенные в него автором способности — прикидываясь наивным простаком и рьяным исполнителем приказов высших чинов, доводить их до абсурда, вскрывая абсурдную сущность идеологии и практики нацизма. Если до Отечественной войны объектом восприятия советских читателей был аутентичный герой Я. Гашека, то в военные годы им стал образ Швейка, который, сойдя со страниц прославленной эпопеи в жизнь, как бы родился заново, продолжив свои похождения в другое время и в другом месте, а именно, в советской стране, подвергшейся вероломному нападению фашистской Германии. Это был все тот же неунывающий и вроде бы простодушный вояка, издававшийся теперь уже не над фельдкуратором Кацем или поручиком Лукашем, а над бесноватым фюрером, внушая нашим читателям уверенность в победе, когда до нее еще было далеко. Потребность в герое типа Швейка, особенно ощутимую в первые годы войны, заставляет целый ряд русскоязычных писателей и просто почитателей чешского автора, мысленно извинившись перед ним, скончавшимся 3 января 1923 г., так и не окончив свою эпопею, за своеволие, продолжить жизнь его героя на фронтах Великой Отечественной, на страницах фронтовых газет, в радиопередачах, боевых киносборниках, юморесках, скетчах и т. д.

Одним из первых откликнулся на эту потребность боевой офицер, обладавший литературным талантом, капитан 2-го ранга, служивший помощником командира крейсера «Коминтерн», а потом

переведенный во флотскую газету — А. В. Баковников. Сочиненные им главы «Новых походов Швейка», предсказавшие самоубийство Гитлера, публиковались с начала июля 1941 г. до 1 января 1942 в газете «Красный черноморец». На месяц позднее, с августа 1941 до апреля 1943 г. — и уже для пехотинцев — стали публиковаться во фронтовом ежедневнике «Боевой натиск» юморески о Швейке поэта и прозаика Л. М. Кацнельсона, погибшего в 1944 г. Популярному герою отдал творческую дань известный автор исторической прозы, добровольцем ушедший на фронт, Л. И. Раковский. Его рассказы о Швейке печатались в газете народного ополчения «На защиту Ленинграда» с 11 сентября до 1 октября 1941 г.

«Веду юмористический раздел “Прямой наводкой”, пишу (с продолжением) “Новейшие похождения бравого солдата Швейка...” — сообщал 9 мая 1942 г. в письме жене тридцатидвухлетний поэт А. Д. Синичкин (Алесь Жаврук), выпускник ИФЛИ, аспирант Белорусской Академии наук, во время войны военкор газет «В бой за родину» и «На защиту родины», где весной и летом 1942 г. появлялись его рассказы о Швейке. Участник обороны Сталинграда, он погиб в августе того же года. Среди авторов походов Швейка в годы войны были сотрудник фронтовой газеты «В бой за родину» М. Багров, драматург М. Д. Вольпин, известнейший сценарист Н. Р. Эрдман, в чьих произведениях о Швейке комический эффект часто достигался остроумной игрой слов. Из всего этого видно, что над новыми похождениями Швейка, особо востребованными в начале войны, трудился, не сговариваясь — и чаще всего ничего не ведая друг о друге, — целый авторский коллектив. Собранные воедино тексты о новых похождениях знаменитого героя, изъятые из разных источников, складываются в своего рода антологию русских ремейков гашековской эпопеи, возникшей в годы Великой Отечественной войны в СССР.

С собственными произведениями о Швейке выступил популярный советский комедиограф М. Р. Слободской, в мирное время — активный соавтор В. А. Дыховичного. Замечательные сами по себе, переиздававшиеся уже во время войны, они в 1942 г. дали жизнь его же комедии-памфлету («Новые похождения бравого солдата Швейка»), вдохновив на создание пьесы о Швейке поэта и драматурга Я. И. Родионова (погиб в 1943 г.). В 1944 г. комедия М. Слободского была поставлена молодежной труппой Первого фронтового театра

ВТО, войдя в его репертуар наряду с драматургией А. Н. Островского, К. Симонова и др.

Произведения о Швейке М. Слободского, как и ряда других авторов, использовались в передачах «Театр у микрофона», которые готовило Ленинградское радио для осажденного города. Бравый солдат не обошел и киноэкраны, став героем короткометражных фильмов, киносценариев и обилия рецензий на страницах центральных газет. Он вовлек в свои похождения массу широко и мало известных кинематографистов, режиссеров, операторов, актеров, писателей, критиков, среди которых были С. Юткевич, Э. Гарин, Н. Охлопков, Ф. Раневская, И. Москвин, А. Каплер, Л. Кассиль и многие, многие другие. Не все созданное о Швейке «важнейшим из искусств» вышло на экраны, а то, что вышло — «Боевой киноборник № 7», 1941; «Новые похождения Швейка. Солдатская сказка», 1943 — широко демонстрировалось и на фронте и в тылу. Автору этих строк запомнился боевой киноборник, который она ребенком много раз смотрела во время эвакуации в г. Фрунзе (тогдашняя столица Киргизии). Как этот фильм назывался, не знаю, но помню, что Швейк там весело распевал «сосиски с капустой вкуснее всех блюд, сосиски с капустой я очень люблю».

Новый Швейк в своих новых похождениях во всю издевается не только над фюрером, его подручными, армией агрессора (обыгрывая, к примеру, реальную ситуацию отступления немецких солдат на оседланном стаде коров). Объектом язвительных насмешек становится сама идеология национал-социализма, чье место — в сумасшедшем доме. Так, в повести М. Слободского Швейк с энтузиазмом поддерживает пациента прифронтальной психушки, который, считая себя Гитлером и «работая» над второй частью «Майн Кампф», решает распространить расовую теорию на флору и фауну. Швейк даже вносит свой вклад в ее применение, объявив гениальным психа, вырвавшего пальму из кадучки, поскольку, по мнению Швейка, пальма принадлежит к низшей расе, а истинный ариец — это дуб.

Образ «бравого солдата», казалось бы, вошедший в чешскую литературу из простонародной среды, из кабаков и пивных, служивших Ярославу Гашеку местом для творчества, замешан не только на сугубо жизненных, но и на фольклорно-литературных истоках. В нем угадываются черты глупого Гонзы из чешских и Иванушки-дурачка из русских народных сказок, бывалого солдата, умеющего и генера-

лов прокормить (Салтыков-Щедрин) и обвести вокруг пальца самого черта (Ганс Христиан Андерсен), и хитроумного слуги, более ловкого и сообразительного, чем его родовитые господа из произведений Сервантеса, Гольдони, Бомарше. Поэт и прозаик Л. К. Татьяничева в своей рецензии (1943 г.) на постановку пьесы Р. Слободского «Новые похождения бравого солдата Швейка» еще больше расширила ряд сопоставимых с ним литературных образов, повысив тем самым его статус: «Так же, как Тиль Уленшпигель, Кола Брюньон, Фальстаф, Швейк принадлежит к плеяде неумирающих народных героев, воплотивших в себе <...> остроумие, оптимизм, жизнерадостный юмор»⁹. Подобные слова своевременно помогали по достоинству определить место Гашека в мировом искусстве, не загоня выдающегося сатирика на его периферию¹⁰.

Но вернемся к оригиналу эпопеи Гашека, в изучении которой при всем богатстве созданных о ней трудов рано ставить точку (как, впрочем, при изучении любого шедевра). Начнем с того, что это выдающееся произведение XX столетия необычно для своего времени, времени рафинированных литературных течений от модернистских до авангардных. Эпопея же Гашека уникальна своей естественностью, народностью (даже простонародностью) — будто поток жизни Австро-Венгрии с кануна Первой мировой войны до разгара военных действий в Галиции выплеснулся на страницы эпопеи, заполняя их событиями, разговорами, анекдотами, действующими лицами, эпизодическими и главными. А в центре — фигура Швейка, путь его странствий, протянувшийся с остановками в пивных, полицейских участках, сумасшедшем доме, гарнизонах, гауптвахтах через всю страну и за ее пределы. При всей своей гротесковости и временами карикатурности «Похождения» документальны, автобиографичны, они как бы проросли из самой жизни, вполне реальных фактов и обстоятельств. Доказательств тому множество. Я приведу лишь одно, пока еще никем не учтенное и в литературе о Гашеке не освещавшееся.

⁹ Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. вторая. С. 302.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Будагова Л.Н. Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. вторая. 1941–1945 / Составление, предисловие, комментарии Н. Л. Глазковой, науч. ред. Г. П. Мельников, отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. М., 2014. 528 с. // Славяноведение. 2015. № 6. С. 108–112.

В главе «Швейк симулянт» описываются мучения и лечения, к которым прибегали военные лекари, видевшие во всех больных притворщиков и стремившиеся «изгнать из симулянтов беса саботажа и вернуть их в лоно армии». К подозреваемым в саботаже относились чахоточные, ревматики, люди, страдающие грыжей, воспалением почек, тифом, сахарной болезнью, воспалением легких и прочими болезнями. К применявшимся средствам лечения «симулянтов» от всех болезней относились строгая диета, потребление аспирина, хинина и клистиры по несколько раз в день. Автор описывает сцену врачебного обхода и назначения военного врача Грюнштейна, который «ходил от койки к койке» и всем пациентам прописывал одно и то же:

- Мацуна!
- Здесь
- Клистир и аспирин.
- Покорный!
- Здесь.
- Промывание желудка и хинин.
- Коваржик!
- Здесь.
- Клистир и аспирин.
- Котятко!
- Здесь.
- Промывание желудка и хинин.

И так всех подряд — механически, грубо и безжалостно.

Здесь юмор как бы изменял автору, которому было уже не до шуток, и прорывалась серьезная интонация.

Примечательно, что подобный образ врача-садиста, подозревающего всех своих пациентов-солдат в симуляции и прибегавшего к их стандартному «лечению», выведен в талантливом, но мало известном у нас «военном романе словенского народа» Прежихова Воранца (превдоним Ловро Кухара) «Добердоб» (1934–1940), изданном на русском языке в 1962 г. В произведении словенского писателя идет речь о формировании, боевых действиях и Юденбургском восстании штрафной роты Австро-Венгерской армии в годы Первой мировой войны. Похожий же на гашековского персонажа лекарь выведен у Прежихова Воранца под именем доктора Давида. «Врач и советник медицины д-р Давид был грозой всего лагеря» (Речь идет о военном лагере в австрийском местечке Лебринг возле Граца. — *Л. Б.*). «В каждом солдате он видел симулянта. Доктор Давид был глубоко убежден в том, что

большинство солдатских болезней проистекают от желудка, обжорства и чрезмерного питья». Голоса проходящих врачебную комиссию солдат «терзали его, напоминая о запорах и слабительном. Про себя он проклинал последний циркуляр высшего командования, предписывавший более осторожное употребление касторового масла»¹¹.

Эпопею Гашека и роман Прежихова Воранца объединяют время, Первая мировая война, и ее участники — подданные Австро-Венгрии. Но эти произведения разные по жанру и структуре. Гашек создавал сатирическую эпопею, эпизоды и картины которой связывал главный герой, его злоключения на пути по инстанциям империи Габсбургов и фронтам Первой мировой. Словенский прозаик писал документальную хронику, где действовал герой коллективный, сам «воюющий народ», представленный целой группой вполне индивидуализированных персонажей, людей со своими биографиями и судьбами. Правдивость хроникального произведения словенского прозаика, прибегавшего к картинам и формам самой жизни без всяких гротескных красок, не вызывает сомнений. Сходства больничных эпизодов и образов двух врачей доктора Давида (в хронике) и доктора Грюнштейна (в эпопее) говорят, что оба прозаика «рисовали» их с одной и той же натуры. Проступающее сходство отдельных страниц хроники и сатиры говорит о том, что с помощью сатирического гротеска Гашек не искажал, не деформировал, а прояснял действительность, к которой обращался, наводил на резкость ее объективные черты, т. е., его сатирическая эпопея столь же правдива и по сути хроникальна, как и веристический роман словенского прозаика.

Явным показателем успешности произведения является его выход на международную арену и расширение читательской аудитории через перевод на иностранные языки, т. е. его функционирование не только на языке оригинала. Именно из произведений, удостоившихся этой чести, складывается содержание понятия мировая литература.

Переводчики эпопеи Гашека не только проложили ей путь на Олимп, но и выступили соавторами названия, под которым ее знают и любят русскоязычные читатели «Похождения бравого солдата Швейка в мировой войне». Сам автор назвал свое произведение «*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*», т.е. «Судьбы (истории) примерного солдата Швейка...»

¹¹ Прежихов Воранц. Добердоб. М., 1962. С. 282–290.

Первым из иностранных языков, на который была переведена эпопея, был немецкий. Переводчиком выступила Грета Рейнер, немка, жившая в Чехии. При переводе она отказалась от слова *Судьба(ы)* ‘Das Schicksal’ (или ‘Die Schicksalen’) и использовала слово ‘Die Abenteuer’, т. е. — *Приключения*. Кроме того, вместо «доброго солдата», она назвала Швейка «бравым солдатом» и у нее получилось «Die Abenteuer des braven soldaten Schwejk» — «**Приключения braveго солдата Швейка**»). Именно под этим заголовком, с заменой «Судеб» на «Приключения» и «примерного» солдата на солдата «braveго» произведение, переведенное на немецкий, вышло в Праге в 1926 г.

С этого немецкого текста Г. Рейнер сделали русские переводы литератор Герберт Августович Зуккау (он перевел 1 и 2 части) и его жена Алиса Германовна, с которой они вместе освоили 3-ю и не оконченную 4-ю часть. Эти переводы были опубликованы в ленинградском издательстве «Прибой» в 1927–1928 гг. Чета Зуккау вполне точно воспроизвела на русском перевод не оригинального, а немецкого названия романа «**Приключения braveго солдата Швейка**».

В 1929 г. первые две части романа Гашека («В тылу» и «На фронте»), переведенные непосредственно с чешского Петром Григорьевичем Богатыревым, известным фольклористом, членом Пражского лингвистического кружка, находившемся в длительной командировке в Чехии, вышли в «Гослитиздате» (М., Л.) в 1929 г под названием «**Похождения braveго солдата Швейка в мировой войне**». Полный перевод эпопеи П. Г. Богатырева, признанный классическим, вышел в 1956 г.

А теперь — об одной немаловажной находке. В высшей степени удачный эпитет — «braveый» — был подсказан Зуккау и Богатыреву немецким языком, т. е. Гретой Рейнер. В чешских словарях слово «bravý» отсутствует, в толковом словаре Травничека есть слово «brav», означающее «drobný dobytek» — мелкий рогатый скот. В русско-чешских словарях даже слова «braveый» нет, как не имеющего чешского эквивалента.

Таким образом и чета Зуккау, и затем П. Богатырев, употребив эпитет «braveый», воспользовались с помощью Г. Рейнер подсказкой немецкого языка, где есть слово «brav», равнозначное русскому слову «braveый», которое как нельзя лучше подходит к солдату Швейку, именно не к «доброму», не к «примерному», а к «braveому». Только в контексте романа слово приобрело иронический смысл, поскольку

усердие этого «бравого солдата» доводило до абсурда приказы вышестоящих чинов, помогая вскрывать абсурдность происходящего.

П. Г. Богатырев, сохранив эпитет Рейнер и Зуккау «бравый», внес и свой нюанс в название романа Я. Гашека, изменив довольно нейтральное слово «приключения» на более весомое и точное «**похождения**», связанное именно с переменой мест и отмерянными солдатскими сапогами расстояниями.

Подведем итог сказанному. Точный перевод эпопеи Гашека на русский язык должен был бы звучать «Судьбы (истории) примерного солдата Швейка во время мировой войны». Утвердившееся же название эпопеи — «**Похождения бравого солдата Швейка...**» — результат коллективных усилий ее переводчиков.

Современные знаки популярности Гашека в нашей сегодняшней стране, успешно опровергают мнения о том, что он якобы отжил свое время. Напротив, многие абсурдные явления современной международной политики (в частности, стремления во всех бедах обвинить Россию), всевластие чиновничьего аппарата внутри страны, невиданное прежде социальное расслоение сограждан, неискоренимая любовь наших власть имущих к показухе, бюрократизация медицины, науки и образования и т. д. и т. п. — все это свидетельствует об актуальности гашековской сатиры и востребованности ее бессмертного героя и в наши дни.